

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-188-197>

УДК 80.

ББК 83.3(2).

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Е.А. Осипова
г. Москва, Россия

ГЕРОИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЧЕРНОГОРИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX В.

Аннотация: В статье рассматриваются первые литературные и научные отклики о сербах, появившиеся в русской периодике, воспоминаниях и путевых заметках в начале — первой четверти XIX в. Значительная часть этих материалов касалась Черногории — наиболее экзотическому сербскому краю, известному своей борьбой против турок. Основным побудительным мотивом в описании сербов Черногории стал интерес русских авторов к народной поэзии и патриархальным нравам единоверных с Россией славян, восхищавших путешественников своей воинской доблестью и героической борьбой против турок. Примечательны слова русского офицера, писателя В.Б. Броневского, который в составе эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина участвовал в боевых операциях русского флота на Средиземном море. Говоря о своем желании рассказать о жизни и нравах сербов, он пишет о них как о народе «по происхождению и вере, столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России, тем более достойного внимания моих соотечественников».

Особенности такого рода материалов состоит в том, что описание исторических и культурных реалий, упоминание тех или иных названий и имен даны в соответствии с общим уровнем научного знания о зарубежных славянах в указанный период. По этой причине встречаются терминологические расхождения, неточности в датах и названиях. Между тем упомянутые работы и воспоминания русских ученых и литераторов положили начало более основательному изучению славянства, которое началось в России в последующие десятилетия.

Ключевые слова: сербы, Черногория, путевые заметки, Вук Караджич, сербская народная поэзия, героизм.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Осипова — кандидат филологических наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2626-3848>

E-mail: osipovv@rambler.ru

Дата поступления статьи: 31.05.2023

Дата одобрения рецензентами: 20.04.2024

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Осипова Е.А. Героический образ Черногории в русской литературе начала XIX в. // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 188–197.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-188-197>

Первые сведения о сербах, их культуре и истории в начале XIX столетия были еще достаточно отрывочны и не вполне достоверны. Они проникали в Россию благодаря отдельным русским общественным и культурным деятелям, а также военным, которые, посещая сербские земли, оставляли любопытные по содержанию отчеты, письма и записки, послужившие немаловажным источником новых знаний о балканских славянах, не лишённые, правда, некоторых неточностей. В этих же материалах можно также найти упоминания о сербской эпической поэзии, по-видимому, заинтересовавшей русских путешественников и особенно ученых.

Одним из самых первых материалов на данную тему явился очерк «Жители области Монтенегро или Черногорцы» [5, с. 240–249], опубликованный писателем и фольклористом М.Н. Макаровым (1789–1847) в 1805 г. в журнале «Вестник Европы», по всей видимости, заимствованный из какого-то иностранного периодического издания. В очерке говорится о «немногочисленной нации Черногорцев» [5, с. 242], что можно объяснить еще недостаточными знаниями о южных славянах вообще и о сербах, в частности: выделение черногорцев в отдельную нацию ошибочно, поскольку они суть те же сербы, проживающие в Черногории и представляющие собой неотъемлемую и наиболее героическую часть сербского народа. Остальные же оценки и характеристики весьма точно передают обычаи и нравы этого древнего сербского края: «Черногорцы, будучи дики и суровы как окружающая их натура, отличаются силой и крепостью тела, не боятся перемен воздушных и презирают всякие опасности; они с твердостью и постоянством переносят все трудности и неудобства жизни, и с беспримерной решительностью преодолевают встречающиеся препятствия» [5, с. 241].

Несомненно, эпический дух отразился и в народных песнях, «по наследству доставшихся от праотцев» [5, с. 242–243], «весьма похожих на песни Русские, и оканчивающихся, подобно сим, нежными, мелодическими тонами» [5, с. 243]. Возможно, это одно из самых первых упоминаний в русской литературе произведений сербского героического эпоса, почти за десять лет до публикаций первого сборника сербских народных песен Вука Стефановича Караджича.

Основной темой очерка стала битва, произошедшая 22 сентября 1800 г., когда турецкий паша, собрав многочисленное войско, намеревался жестоко покарать непокорных черногорцев с тем, чтобы совсем их уничтожить. Однако, как следует из повествования, благодаря своему героизму и находчивости им удалось выгодно для себя использовать потаенные места в горах, пещеры и подкопы, заполнив их порохом и соорудив там военные укрепления, так что их немногочисленное войско наголову разгромило турецкую армию, насчитывавшую более семидесяти тысяч человек:

Более 26000 Оттоманов лишились жизни; замешательство было столь велико, что на другой день после бегства Али едва мог собрать 4000 воинов; а к довершению посрамления, Черногорцы, ободрясь своей победою, погнались за Пашой в долины Албанские и принудили его уйти в Эпир [5, с. 248–249].

Источником подобного мужества для черногорцев была православная вера и пример их митрополита и правителя Черногории Петра I Петровича Негоша (1748–1830), впоследствии прославленного в лике святых под именем святителя Петра Цетинского:

Сам Митрополит находился там, где большая была опасность. Держа в левой руке крест, а в правой меч, он громким голосом ободрял своих единоплеменцев к битве, и восстанавливал порядок, где иступленные Турки нарушали оный на некоторое время [5, с. 246].

Заслуживает внимания и книга «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810) Д.Н. Бантыш-Каменского, посетившего Сербию вскоре после Первого сербского восстания (1804–1813). Как пишет в предисловии сам автор, «нет еще ни на иностранном, ни на отечественном нашем языке путешествия в Сербию, хотя страна сия и делалась ныне любопытной по делам политическим» [1, с. 3]. В ней содержатся первые упоминания о Карагеоргии, герое-предводителе Восстания, о котором Д.Н. Бантыш-Каменский не критично сообщал не только некоторые общеизвестные факты, но и явные домыслы, связанные с его именем, поскольку он уже при жизни стал полупоэтичной личностью. Впоследствии на эти сведения опирался А.С. Пушкин, создавая образ Карагеоргия в своем поэтическом цикле «Песни западных славян» (1835).

Интересный отзыв о сербах Черногории был опубликован в 1817 г. в журнале «Вестник Европы». Он принадлежал майору Егору Мартыновичу Маркову, в начале века сражавшемуся вместе с сербами против Наполеона и посетившему некоторые сербские земли, в частности Далмацию и Черногорию. Об этом становится известно из письма его друга, уже упомянутого нами писателя М.Н. Макарова к редактору журнала «Вестник Европы» М.Т. Каченовскому. Предваряя публикацию Е.М. Маркова, автор письма сообщает, что пока его друг «не мог сообщить мне главного из моего обещания вам, именно: Черногорских, или Славянских песен; но я надеюсь, что при свидании моем с ним он не откажет мне продиктовать одну, или две» [11, с. 72] и призывает всех, имевших общение с тамошними славянами, сообщать широкой общественности что-либо, заслуживающее интереса, но доселе неизвестное. Ниже приводится отрывок из письма самого Е.М. Маркова от 2 мая 1817 г., где содержатся краткие, но очень емкие характеристики черногорцев, вызвавших у него восхищение своей храбростью, эпической простотой, добротой и благородством:

Черногорцы страстно преданы своей отчизне; они видят и знают только одни свои горы, любят их всего более на свете, — умереть за них почитают первым благом [10, с. 73].

Желая в каком-нибудь периодическом издании «видеть статью о Черногорцах» [10, с. 73], Е.М. Марков говорит, что и сам «...если б мог написать так, чтоб меня поняли, написал бы о них целую книгу» [10, с. 73].

Во время своего пребывания в Черногории Маркову довелось слышать исполнение сербских эпических песен и даже записать некоторые из них. Желая сообщить их характерные особенности, он поясняет:

Их песни не сочиняются, а поются весьма просто, без всякого приготовления. Содержание их состоит из происшествий минувших и настоящих, точно виденных, или слышанных. — Храбрость и добродетели воспеваются старыми бардами Славянскими и Черногорскими; народ садится в кружок и слушает в глубоком молчании монотонный голос бардов, сопровождаемый звуком однострунной Лиры!... [10, с. 74].

Завершается публикуемый отрывок обещанием Е.М. Маркова отыскать записанные эпические песни и пожеланием: «...куда бы хорошо было, когда бы кто-нибудь, вспомнив о друзьях моих Черногорцах, захотел описать их!...» [10, с. 74]

Это его пожелание исполнилось уже в следующем 1818 г., благодаря выходу в свет книги писателя и историка Владимира Богдановича Броневского¹ (1784–1835)

¹В.Б. Броневский как выпускник Морского кадетского корпуса (1802) в составе эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина участвовал в боевых операциях русского флота на Средиземном море

под названием «Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год». Будучи выпускником Морского кадетского корпуса (1802), автор в составе эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина участвовал в боевых операциях русского флота на Средиземном море. В этом произведении, принадлежащем к жанру военных мемуаров, Броневский ярко описывает свои черногорские впечатления, относящиеся ко времени, когда все прочие сербские земли находились еще под властью турок. Оно отличается вдумчивым, документальным повествованием, сопровождающимся различными историческими подробностями и описанием некоторых картин народной жизни, так поразивших автора.

Первое упоминание о сербах на страницах «Записок...» встречается под общим именем «бокезцев», которым обозначались этнические сербы, проживающие на Адриатическом Приморье в области бухты Боки Которской, исповедующие как Православие, так и католицизм. Сообщая об обстоятельствах прибытия русского флота в город Катаро (Котор), В.Б. Броневский пишет, что его жители, в ответ на некоторые важные для них благодеяния русского адмирала Д.Н. Сенявина, явили к русским всемерную преданность, тем самым пробудив в них желание освободить сербов Далмации от угнетавших их французских войск. Те, в свою очередь, не замедлили оказать русскому флоту всяческое содействие, под предводительством своего митрополита и правителя: «Митрополит, вместо просимой тысячи, обещал собрать 6000 воинов, и вызвался сам ими предводительствовать», — сообщил Броневский [2, с. 176]. Здесь, равно как и в вышеупомянутом очерке «Жители области Монтенегро или Черногорцы», речь идет о святителе Петре Цетинском. Вместе с тем интересно, что и прочее духовенство, по примеру своего митрополита, являлось образцом героизма и мужества для собственной паствы². Оказавшись затем в Цетинье, Броневский свидетельствовал:

Священник, входя в церковь, снимает на паперти свое оружие, и берется за него первой при клике: кто есть витязь! Они отличаются храбростью, и потому большей частью, по избранию своих прихожан, начальствуют отрядами [2, с. 260–261].

Великие церковные праздники, отмечавшиеся здесь как всенародное торжество, сопровождались звоном колоколов и пальбой из всех пушек [2, с. 182], а также угощениями и народными празднествами, среди которых важное место отводилось соревнованию в стрельбе и пению эпических песен: «Старики, что мне более всего понравилось, на распев рассказывали славные подвиги своих предков. История о Королевиче Марке и храбром Юро Кастриотиче с большим вниманием были выслушиваемы» [2, с. 184].

Покинув приморский город Котор, В.Б. Броневский, в сопровождении проводника-матроса, отправился в горы, намереваясь попасть в Цетинье и в сопредельные сербские области, представляющие собой историческую Черногорию. Особенно ценным, на наш взгляд, представляет собой сравнение Броневского поразившей его Черногории и ее жителей с древней Спартой:

Я видел Спарту, — свидетельствовал он, — видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечом мщения, удивляется возвышенности их духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем их соседям. Образ же

(1805–1810).

² Сербская Православная Церковь в Которе имела сильные позиции.

их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши, истинно достойны всякой похвалы. Три дня, проведенные мной между ними, я так сказать, перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел пред собою простоту Патриаршеских времен, беседовал с Ильей Муромцем, Добрыней и другими богатырями нашей древности [2, с. 192].

Все это было настолько ново и удивительно для русского путешественника, что Броневский, совершенно пленившись увиденным, писал:

Собрав подробные сведения о Черногории и Катарской области, я постараюсь с точностью изобразить свойства народа, по происхождению и вере, столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России, тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия еще ни одним путешественником не была описана [2, с. 193].

В его повествовании нет ничего лишнего, а приводимые им сведения весьма содержательны и интересны: они достаточно верно рисуют неповторимый колорит местности, где все проникнуто героическим эпическим духом, так что даже подсчет населения определяется в соответствии с количеством лиц, способных встать под ружье:

Черногория единственная земля в Европе, в которой нет городов. Во всей области считается 116 селений, самое большое не имеет более 1000 душ. Население каждого села считается по числу могущих поднять оружие: и таким образом во всей Черногории полагают 15,000 воинов, могущих выйти в поле, а как они ведут жизнь совершенно военную и носят оружие с 16 лет до глубокой старости, то умножая число воинов в четверо, целое народонаселение полагать надобно до 60,000. Уверяют, что в собственной земле они могут выставить 30,000 оруженосцев [2, с. 241].

Не менее любопытно описание жилищ, с весьма экзотическими для русских особенностями:

Стены складываются из камней просто один на другой; только для малого числа двухэтажных и монастырей употребляется известь и черепица; прочие, будучи покрыты соломой, представляют бедные шалаши, коих лучшую мебель составляют черепа голов и оружие неприятелей, напоминающих молодым людям славу их отцов [2, с. 241–242].

Как следует из повествования, даже местный климат способствует воспитанию воинственного духа:

Суровость погоды, стужа и зной мало тревожат народ сей. Воздух свеж и здоров; он очень сух зимою, и сие вспомоществуя гибкости тела, укрепляет и соделывает Черногорцев способными к перенесению невероятных трудов. Летние жары умеряются восточным ветром; который, начинаясь в полдень, прохладяет и освежает жителей. Черногорцы достигают глубокой старости: я видел 70 летних при осаде Рагузы; они уверяли, что многие из них живут и за сто [2, с. 242–243].

Ярким подтверждением этих слов служит пример старца Гайо Омчикуса, которого описал русский журналист Николай Надеждин в своей книге «Род Княжевичей» [8, с. 37]. Поводом для написания книги стало обещание, данное Владиславу Максимовичу Княжевичу, — собрать подробные сведения о Княжевичах именно в тех местах, откуда они ведут свое происхождение. Причем в ходе поисков выяснилось, что малая родина этой фамилии находится не в местечке Госпич (Личанского полка)³, как изна-

³ От пограничной области — Лика. Речь идет о сербах-граничарах.

чально предполагалось, но в поселении под названием Удбина, относящемся к тому же полку и расположенном близ самой границы с Турцией. В результате поездки, совершенной весной — летом 1841 г. в обществе Д.М. Княжевича и Вука Караджича, Н.И. Надеждину удалось составить полную историю рода Княжевичей.

Неоценимую помощь русским путешественникам оказал Вук Караджич, совершивший вместе с ними весь путь и выступавший на этом пути в роли переводчика: «Вук был у нас толмачем, так как мы, хотя и разумели, но не могли говорить по-сербски», — писал Надеждин [8, с. 11]. В местечке Госпич путешественникам не удалось разыскать прямых потомков Максима Княжевича, поэтому, следуя совету одного офицера, старого знакомого Вука Караджича, они направились в селение Удбину, надеясь встретить там живых представителей этого рода.

Достоинство повествования Надеждина состоит не только в образности языка, но и в ценных наблюдениях и свидетельствах, заслуживающих самого пристального нашего внимания. В этом отношении значительный интерес представляет описание старика Гайо Омчикуса, знакомого Вука, в доме которого остановились путешественники, прибыв в Удбину [4]. Делясь своими впечатлениями о нем, Надеждин писал:

Чудный старик этот Омчикус! Ему, верно, уже гораздо за семьдесят. По крайней мере, он очень хорошо помнит Марию Терезию, а при Иосифе II был уже во всех кампаниях. Время сторило его колоссальный рост, смяло атлетические, богатырские формы; но он еще совсем крепок на ногах, бодр и свеж как нельзя лучше. Глаза его сверкают ярким огнем, когда он говорит о своих походах, когда вспоминает, как бил и резал турков. Назад тому лет пять, при неудовольствиях, возникших на границе между австрийцами и турками, Омчикус, давно выписанный из действительной службы, взял свое заветное ружье и присоединился к батальону, который двинулся на границу, чтобы обуздать и отразить силу силою, в случае нужды. — Куда ты, старый? спросил его командир. — «Хочу в последний раз, перед смертью, сжечь еще хоть одну турецкую кучу и застрелить хоть одного неверного!» — отвечал спокойно Омчикус [8, с. 17].

Как известно, ратный подвиг и по сей день пользуется у сербов особым почетом. В связи с этим интересное наблюдение сделал еще Вук Караджич в своей книге «Жизнь и обычаи народа сербского»: описывая боевой дух черногорских сербов, он отмечал, что для черногорца самым желанным занятием является война, почему и считается величайшим позором для каждого не принять в ней участие. Причем «и старики, и дети от двенадцати лет бегут, когда потребуется, весело и радостно; и нередко случается, что дети необычайно опечаливаются, если родители их не отпускают. Бывали случаи, когда даже увечные требовали, чтобы их отнесли на передовую и разместили бы за какой-нибудь скалой, откуда б они стреляли во врага. Подобно тому, как позор во время войны остаться дома, так и честь — в бою погибнуть» [7, с. 329].

Подобные настроения удивительно перекликаются не только с легендарной Спартой, но и с традициями героического порубежья вообще. Не случайно ученые-путешественники и исследователи сравнивали жителей Военной Границы с русскими казаками. В этой связи можно вспомнить и строки известного ныне донского поэта Николая Туроверова из его стихотворения «1914 год»:

О, незабываемое лето!
Разве не тюрьмой была станица
Для меня и бедных малолеток,
Опоздавших вовремя родиться? [13, с. 72]

Возвращаясь к книге Броневского, обратим внимание на то, как он описывает традиции гостеприимства — «святой добродетели всех народов, от корени Славян происходящих» [13, с. 273], которые свято почитаются среди черногорских сербов, так что даже смертельному врагу при случае не будет отказано в приюте. Броневский также сообщает, что: «Черногорцы дорогих гостей своих любят встречать и провожать ружейными выстрелами, так что пули свистят мимо самых ушей» [13, с. 187]. Наблюдая исключительное почтение к старости, встречающееся здесь повсеместно, автор «Записок...» отмечает: «Храбрость противу неприятеля и сей обычай Черногорцев напоминают счастливые дни Спарты» [13, с. 274]. Не менее сильное впечатление на него произвело поведение женщин (оставшееся практически неизменным и в более позднее время) [3, с. 48]⁴:

Мать даже до забвения печали хвалится ранами своего сына, и хотя она больше мать нежели республиканка, однакож ближе всех сходствует в сем случае с Спартанкою [2, с. 276].

В.Б. Броневский показывает, что радость сербов от одержанных ими побед в сражениях столь велика, что они, как правило, выражают ее в пении эпических песен и исполнении народных танцев:

Возвращаясь с поля, из похода, даже в виду врагов на месте сражения, они поют и пляшут почти безпрестанно. Свирель и гудок, называемые ими сфира, и гусли составляют музыкальные их инструменты. Слепые играют на гуслиях с искусством. Припевая любимыя национальныя песни, приводят они в восторг слушателей; им платят за то щедро, ибо и здесь лучше умеют награждать за удовольствие нежели за услугу [2, с. 282].

Важное замечание делает Броневский о воздействии эпических песен на слушателей:

В военных песнях картина битв и кровопролития, сохраняя память отечественных героев, воспламеняет сердца их огнем мужества; оные заменяют историю [2, с. 282–283].

Любопытно, что в данном случае В.Б. Броневский опирается на более раннее описание Н.М. Карамзина, который в своем знаменитом труде «История государства Российского» повествующего о характере славянских народных песен:

...они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею Историею Славянскою [6, с. 50].

⁴В отчете настоятеля монастыря Морача (Черногория), иеромонаха Гавриила (Дабича), адресованном Цетиньскому Митрополиту Иоанникию (Липовцу) (1890–1945) сохранилось интересное свидетельство от 15.03.1941 г., описывающее настроение сербов, проживающих в окрестностях монастыря Морача, в период мобилизации: «Народная песня, возникающая из глубины души каждого серба-черногорца (“Онам’ онамо”) разносится долиной Морачи. Все идут веселые; я видел многих, у кого на путь в 50–60 километров пешего хода в сумке всего лишь по половине кукурузного хлеба и по головке лука. Это потому что Великий пост. Пение и радостные восклицания, а временами и выстрелы из револьверов слышны до тех пор, пока не скроешься в ущелье Платие. Слез нет даже у женщин» [3, с. 48].

Удачно найденное определение стало своего рода штампом, использованным позже и П.И. Прейсом в его работе «О эпической народной поэзии сербов», где он писал:

Песня составляет и часть наследства, которое родителями передается детям. Престарелый дед, неспособный уже к работе, полезен еще семье песней: он передает внукам славные дела предков, и рано, еще в детском возрасте, зажигает огонь мужества, страсть к удалству. Новое поколение возрастает под влиянием рассказов о старине, о былом и о героях родины [9, с. 84].

Значимым стимулом в привлечении интереса русской научной и культурной общественности к сербам послужила их героическая борьба против турок, а также деятельность Вука Караджича, открывшего для Европы, и прежде всего для славянского мира, — яркий самобытный пласт сербской культуры, представленный выдающимися произведениями героического эпоса. Вскоре после посещения Караджичем России и его знакомства с крупнейшими деятелями русской культуры и науки появляются и первые поэтические переводы сербских песен, вышедшие из-под пера А.Х. Востокова, Д.П. Ознобишина, А.С. Пушкина. Русские ученые и литераторы положили начало определенной традиции художественного перевода сербского эпоса. Их заслуги в данной области не ограничивались только сферой литературы: вместе с первыми авторитетными исследователями балканского мира, общественными и культурными деятелями (Н.П. Румянцевым, М.Т. Каченовским, П.И. Кеппеном, М.П. Погодиным и др.), уделявшими внимание сербской тематике на страницах периодических изданий, они заложили основы отечественного славяноведения и будущих научных изысканий и открытий в области сербской истории и культуры.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию Д.Б.К. М.: Губернская тип. А. Решетникова, 1810. 192 с.
- 2 *Броневский В.Б.* Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Часть первая. СПб.: Морская типография, 1818. 328 с.
- 3 *Голгота Митрополита Црногорско-Приморског Јоаникија 1941–1945* / [приредио] В. Џомић. Цетиње: Светигора, 1996. 413 с.
- 4 *Д.М. Княжевич: (Некролог).* [СПб.]: тип. М-ва внутренних дел, ценз. 1844. XXIV с.
- 5 *Жители области Монтенегро или Черногорцы* // Вестник Европы. 1805. № 7. Ч. XX. С. 240–249.
- 6 *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т.: в 3 кн. М.: Олма-Пресс, 2004. Кн. 1. Т. I–IV. 700 с.
- 7 *Караџић В.С.* Живот и обичаји народа српскога. Београд: Народна књига, 2005. 332 с.
- 8 *Надеждин Н.И.* Род Княжевичей. Одесса: Городская тип., 1842. 102 с.
- 9 *Прейс П.И.* О эпической народной поэзии сербов. Торжественный акт СПб университета. СПб.: [Б. и.], 1845. 24 с.
- 10 *Смесь.* Марков Е.М. Несколько слов о Черногорцах. (Отрывок из письма к М.Н. Макарову) // Вестник Европы. 1817. № 9. С. 72–74.

- 11 Смесь. Макаров М.Н. (Письмо к Редактору В<естника> Е<вропы>) // Вестник Европы. 1817. № 9. С. 72–73.
- 12 Томић Б. Филип Вишњић — Живот, појава и духовне особине // Зборник у славу Филипа Вишњића и народне песме. Београд: Издање одбора за прославу Филипа Вишњића, 1935. 269 с.
- 13 Туроверов Н.Н. «Возвращается ветер на круги свои...»: стихотворения и поэмы / ред.-сост. Б.К. Рябухин. М.: Худож. лит., 2010. 414 с.

© 2024. Elena A. Osipova
Moscow, Russia

THE HEROIC IMAGE OF MONTENEGRO IN RUSSIAN LITERATURE OF THE EARLY 19TH CENTURY

Abstract: The paper deals with the first literary and scholarly responses about Serbs that appeared in Russian periodicals, memoirs and travel notes in the first quarter of the 19th century. A considerable part of these materials concerned Montenegro, the most exotic Serbian province, known for its struggle against the Turks. The main impetus to the description of Serbs in Montenegro was the interest of Russian authors to the folk poetry and patriarchal morals of the Slavs, co-religionists with Russia, who admired travelers for their military valor and heroic struggle against the Turks. The words of the Russian officer, writer V.B. Bronevsky, who, with the squadron of Vice-Admiral D.N. Senyavin took part in the combat operations of the Russian fleet in the Mediterranean, are quite noteworthy. Speaking of his desire to describe the life and manners of the Serbs, he writes of them as a people “by origin and faith, so close to us, and by devotion, love and zeal for Russia, all the more worthy of my compatriots' attention”.

The peculiarity of such materials is that the description of historical and cultural realities, the mention of certain designations and names are given in accordance with the general level of scientific knowledge about the foreign Slavs in the specified period. For this reason, there are terminological discrepancies and inaccuracies in dates and names. Meanwhile, the above-mentioned works and memoirs of Russian scholars and writers laid the foundation for a more thorough study of Slavs, which began in Russia in the following decades.

Keywords: Serbs, Montenegro, Travel Notes, Vuk Karadzic, Serbian Folk Poetry, Heroism.

Information about the author: Elena A. Osipova — DSc in Philology. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25a, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2626-3848>

E-mail: osipovv@rambler.ru

Received: May 31, 2023

Approved after reviewing: April 20, 2024

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Osipova, E.A. “The Heroic Image of Montenegro in Russian Literature of the Early 19th Century.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 188–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-188-197>

References

- 1 Bantysh-Kamenskii, D.N. *Puteshestvie v Moldaviiu, Valahiiu i Serbiiu D.B.K.* [Travel to Moldova, Wallachia and Serbia D.B.K.] Moscow, Gubernskaia tipografiia A. Reshetnikova Publ., 1810. 192 p. (In Russ.)
- 2 Bronevskii, V.B. *Zapiski morskago oficera, v prodolzhenii kampanii na Sredizemnom more pod nachal'stvom Vice-Admirala Dmitriia Nikolaevicha Seniavina ot 1805 po 1810 god. Chast' pervaiia* [Notes of a Naval Officer, in the Continuation of the Campaign in the Mediterranean under the Command of Vice Admiral Dmitry Nikolaevich Senyavin from 1805 to 1810. Part One] St.Petersburg, Morskaia tipografiia Publ., 1818. 328 p. (In Russ.)
- 3 *Golgota Mitropolita Crnogorsko-Primorskog Joanikija 1941–1945* [Golgotha Metropolitan Joanikije 1941–1945], [priredio] Velibor Đomić. Cetine, Svetigora Publ., 1996. 413 p. (In Serbian)
- 4 D.M. Kniazhevich. *Nekrolog* [Obituary]. St. Petersburg, Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1844. XXIV p. (In Russ.)
- 5 Zhiteli oblasti Montenegro ili Chernogorcy [Residents of the Montenegro Region or Montenegrins]. *Vestnik Evropy*, vol. XX, no. 7, 1805. pp. 240–249. (In Russ.)
- 6 Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo: 12 t.: v 3 kn.* [The History of the Russian State: 12 vols.: in 3 books], book 1, vol. I–IV. Moscow, Olma-Press Publ., 2004. 700 p. (In Russ.)
- 7 *Karadžić Vuk Stefanović Život i obichaji naroda srpskoga*. Beograd, Narodna kniga Publ., 2005. 332 p. (In Serbian)
- 8 Nadezhdin, N.I. *Rod Kniazhevichei* [The Knyazhevich Family]. Odessa, Gorodskaia tipografiia Publ., 1842. 102 p. (In Russ.)
- 9 Preis, P.I. *O epicheskoj narodnoj poezii serbov. Torzhestvennyi akt SPb universiteta* [About the Epic Folk Poetry of the Serbs. The Solemn Act of St. Petersburg University]. St. Petersburg, [s. n.], 1845. 24 p. (In Russ.)
- 10 Smes'. Markov, E.M. “Neskol'ko slov o Chernogorцах. (Otryvok iz pis'ma k M.N. Makarovu)” [“A Few Words about the Montenegrins. (Excerpt from a Letter to M.N. Makarov)”]. *Vestnik Evropy*, no. 9, 1817, pp. 72–74. (In Russ.)
- 11 Smes'. Makarov, M.N. “(Pis'mo k Redaktoru V<estnika> E<vropy>)” [“(Letter to the Editor of the Bulletin of Europe)”]. *Vestnik Evropy*, no. 9, 1817, pp. 72–73. (In Russ.)
- 12 Tomić, Bozhidar “Filip Višnjić — Život, pojava i duhovne osobine.” *Zbornik u slavu Filipa Višnjića i narodne pesme*. Beograd, Izdane odbora za proslavu Filipa Višnjića Publ., 1935. 269 p. (In Serbian)
- 13 Turoverov, N.N. “*Vozvrashhaetsia veter na krugi svoi...*”: *stihotvoreniia i poiemy* [“... And on its Circuits The Wind Returns...”: Verses and Poems], ed.-comp. B.K. Riabuhin. Moscow, Hudozhestvennaia literatura Publ., 2010. 414 p. (In Russ.)